

А. КИМБАЛЛ

Деревенский каба́к как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в.

Кабак, трактир, постоялый двор, харчевня и корчма на протяжении столетий представляли собой сеть провинциальных питейных заведений в разных местностях России. Чиновники небезосновательно подозревали их в различных нарушениях, а духовенство считало средоточием безнравственности. В то же время кабаки служили центром деревенской народной жизни, часто будучи единственным местом, где люди разных социальных классов могли общаться друг с другом, с местным начальством, знакомиться с проезжающими. Кабак, таким образом, расширял рамки официально санкционированного круга общественных контактов, находившихся под строгим надзором царских чиновников. Мир трактирного общения в определенном смысле бросал вызов царской общественно-служебной иерархии.

В самом деле, где еще, как не в трактире, могли встретиться крестьяне и другие местные жители, чтобы обсудить насущные проблемы своей общины? Имелось ли иное общественное место, где можно было не только решить повседневные дела, но и получить удовольствие, запросто посудачить в своем кругу, в стороне от вездесущего начальственного ока?

Господский дом для этого – место явно неподходящее, так же как и церковь или контора местного начальника. Деревенская мельница была, как правило, невелика и не могла стать центром сельской жизни. Изба зажиточного крестьянина иногда служила местом встреч, но и здесь было тесновато, да и не было принято частный дом превращать в публичное место. На широкой площади, базаре или ярмарке под открытым небом было много места для общения. Однако и там погода не всегда способствовала приятному и доверительному разговору. Кроме того, чиновники в большей степени опасались открытых сборищ, чем встреч небольших групп людей. Закон 1839 г. официально запретил открытые многолюдные собрания и, казалось, приглашал толпу переместиться внутрь кабака: "В казенных селениях запрещаются перед питейными домами всякого рода сборища", – говорилось в нем [Полное... 1859, с. 282].

Для деревенских жителей абстрактное понятие "публичная сфера" воплощалось в местном питейном заведении, которое стало характерным и осязаемым "публичным местом" провинции.

Анкеты князя Тенишева

Этнографический проект, начатый князем В. Тенишевым в конце 1880-х гг. и охвативший 23 центральных губернии Российской империи, проливает яркий свет на темные закоулки русского кабака. Перед нами предстает образ недавно обнаружившегося провинциального гражданского общества. На протяжении полутора десятков лет,

вплоть до конца революции 1905 г., немало этнографов-любителей со всех концов империи продолжали работу Тенишева, используя его чрезвычайно длинный и стандартизированный перечень вопросов, охватывающий все аспекты сельской жизни. Доклады этих этнографов являются частью ценного тенишевского архива, который хранится в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга (РЭМ). Очень немногое из этого собрания опубликовано. Например [Попов, 1993; Фирсов, Киселева, 1993; Frierson, 1987; Glickman, 1996].

Вопрос номер 105 был сформулирован Тенишевым следующим образом: "Трактир. Постоялый двор. Роль этих заведений как общественных собраний крестьян. Как собираются крестьяне в трактире или пристанище? Какие там ведут преимущественно разговоры?". Другие вопросы анкеты нацелены на выяснение связи кабака с более широким кругом сельских властей и учреждений. В вопросах с восьмого по одиннадцатый, например, Тенишев интересуется ролью крестьянской сходки (от деревенского до волостного уровня) и отношениями крестьян с земским начальником, исправником, становым приставом, урядником, сотским, десятским и с деревенским старостой. Вопросы с сорок четвертого по девяностый рассчитаны на выявление уровня правовой сознательности крестьян и их отношений с различными судебными инстанциями. Вопросы об экономической жизни деревни пронизывают почти все разделы анкеты, в то время как вопрос 184 сосредоточивается на базаре и ярмарке [Фирсов, Киселева, 1993, с. 336–337, 372–376, 393].

Около двух тысяч ответов на вопросы анкеты Тенишева, полученных из двадцати трех провинций, показали, что кабак был сердцем провинциального гражданского общества накануне революции 1905 г. В одном из кабаков Владимирского уезда, по сведениям, собранным этнографами, "сидят самые уважаемые люди: церковный староста, старшина и другие. Кабак рассматривается крестьянами не в узком значении этого слова (питейное заведение), а в более широком – как место общения. Там можно узнать все новости, приобрести сведения, например, о ценах на овес" [Фирсов, Киселева, 1993, с. 336–337, 372–376, 393]. Так как далеко не каждый мог себе позволить подписаться на ежедневную газету, кабак стал чем-то вроде избы-читальни. В Юрьевском уезде Владимирской губернии, например, трактир выписывал популярную и почитаемую еженедельную газету "Сын Отечества".

В русском кабаке стало обычным нечто похожее на "до" и "послепарламентские" обсуждения социальных проблем. Так, мирской сход в деревнях Меленковского и Муромского уездов Владимирской губернии собирался напротив кабака (несмотря на запрет упомянутого выше закона 1839 г.). Одним из обычных вопросов на повестке дня была аренда самого кабака, так как он находился там под надзором мирского схода. В одной из деревень Меленковского уезда управляющий кабаком платил сельскому обществу 800 руб. за право содержания питейного заведения. Плата принималась "владельцем" кабака, которым в данном случае было все сельское общество (после упразднения крепостного права этот термин применялся к разного рода комбинациям крестьянских поселений). В этом уезде, как сообщал наблюдатель, "винная лавка – центр жизни". В деревне Покровского уезда Владимирской губернии мирской сход собирался в самом кабаке. В соседних деревнях кружки по обсуждению дел мирского схода встречались в трактире [Фирсов, Киселева, 1993, с. 47, 48, 50, 83].

Тысячи жизненных нитей связывали кабак с официальными учреждениями деревни. Базарные дни, как и дни заседаний волостного суда, ознаменовались коллективной выпивкой. "Кабак – это своего рода клуб в селе Ляхи", – говорили крестьяне. Слово "клуб" используется здесь в серьезном, осознанном смысле, хотя и не без доли сатиры, намекающей на изысканные собрания цвета не только местного, но и столичного общества. Селяне поэтому хвастались тем, что у них тоже есть "своего рода клуб" [Фирсов, Киселева, 1993, с. 88].

Кабак был не только местом, где сельское население общалось друг с другом и с провинциальным начальством. Здесь занимались и хозяйственными делами. Селяне встречались там с проезжими купцами и другими путешественниками, которые рас-

сказывали о событиях, происходящих за пределами данного региона. По сообщениям наблюдателей, трактир в Аньково – это "местная биржа, где свершаются всевозможные торговые сделки, а по субботам и в базарные дни расписывают литки сделок, заключенных на базаре; кутежи бывают реже, и пьяные гулянки часто сопровождались необычайно красивым пением. У нескольких завсегдатаев этого заведения были хорошие голоса. А так как их было не менее пятидесяти, из них был сформирован хор". Эта характерная черта кабака получила известность уже в начале 1850-х гг. благодаря рассказу И. Тургенева "Певцы" [Фирсов, Киселева, 1993, с. 89].

Деревня Талызин в Орловской губернии славилась богатými традициями своего кабака. Местные селяне утверждали, что их кабак был самым лучшим в волости и поэтому служил центром провинциальной жизни народа в регионе – местом, где заключались и расторгались все волостные хозяйственные сделки. "Кабашник" (то же, что и "кабатчик") служил своего рода посредником по обмену всеми важными сведениями, нейтральным проводником информации между разными слоями местного населения, государственными и хозяйственными инстанциями. Брат волостного старшины был завсегдатаем кабака, выступая здесь в роли секретаря-регистратора. Старшина и сам часто заходил в кабак, чувствуя обязанность и потребность посекретничать с кабатчиком, к примеру, о том, что на уме у земского начальника. Вспомним, что должность земского начальника была учреждена в 1889 г. в целях централизации государственной власти в деревне и обуздания растущей независимости земских и сельских собраний. Кабак, будучи эпицентром деятельности низов, нашел практический способ обойти этот новый реакционный акт государства. Если присмотреться повнимательнее, то окажется, что и сам земский начальник нередко бывал сообщником в этой типичной "подрывной деятельности" кабака. Он появлялся здесь довольно регулярно, чтобы поделиться новостями и собрать сведения о местных событиях и прочих вопросах, представляющих публичный интерес. Волостные судебные органы пользовались кабаком для опроса свидетелей и сбора показаний до официальной судебной процедуры. Когда заседание волостного схода прерывалось, оживленные дискуссии о текущих делах продолжались в кабаке [РЭМ, д. 1148, л. 5].

Кабак в анкетах Тенишева выступает как самое значительное после церкви общественное помещение в деревне. В отличие от церкви кабак был земным, посюсторонним полюсом жизни; его можно было бы назвать "рынком идей" в повседневной будничной жизни. Здесь обсуждались практические нужды и различные взгляды на восприятие мира. Кабак представлял провинциальное лицо новой русской общественности как части более широкого пласта гражданского общества на ранней стадии его формирования.

Значение выражения "гражданское общество" спорно. В контексте данной статьи гражданское общество – термин, который описывает практику обособленных, самосоздаваемых, утвердившихся социальных групп и организаций, находящихся во взаимозависимых, взаимообязывающих, многогранных отношениях с двумя другими крупными элементами народной жизни – политической властью и экономикой. Разница между "гражданским" и каким-либо другим обществом – в сложности тесных, взаимозависимых и симметричных отношений между гражданами и государственными чиновниками, сферами производства и распределения предметов потребления. В русской глубинке кабак был самым важным местом реализации этих трехсторонних отношений между властями, публичной и каждодневной хозяйственной деятельностью. Кабак занимал позицию нейтралитета, которая способствовала сближению и выравниванию отношений между властями, сельскими жителями и хозяйственной деятельностью последних. В кабаке священники, старосты, трактирщики, сидельцы, старшины, земские начальники смешивались с местными селянами, богатыми и бедными, старыми и молодыми. Здесь обсуждались, а в некоторых случаях и разрешались административные, судебные и хозяйственные дела. Почти все частные сделки по купле-продаже или, в более широком масштабе, торги базара или ярмарки заканчивались в кабаке. По традиции, торговля начиналась с застолья в кабаке, и там же "обмывались" все заключенные сделки. Охва-

тывая всю деловую жизнь деревни, кабак являлся секулярной ипостасью души провинциальной России.

Как и прочие аспекты этого быстро растущего гражданского общества в России, кабак оказался крепким орешком для самодержавия и его усилий держать общественные отношения под неусыпным контролем. То, что кабак бросал вызов самодержавию, было ясно еще за 50 лет до этнографических изысканий Тенишева.

Кризис русской социально-служебной иерархии

По мере приближения революции XX столетия, Россия пережила серьезный кризис в сфере того, что я бы назвал традиционной имперской "социально-служебной иерархией". Под этим я понимаю запутанные, но институционализированные формальные общественные структуры, возникшие в результате смешения полуфеодальных социальных сословий с послепетровскими официальными служебными рангами (чинами). Эта иерархия разрослась в русской жизни до чудовищных размеров как раз в то время (XVIII в.), когда *états* во Франции и *Staende* в Германии (то есть сословия) начали терять господство в общественной жизни. К середине XIX в. русская социальная иерархия тоже начала разваливаться [Kimball, 1992]. Царский режим проведением "великих реформ" 1860-х гг. сам приговорил традиционную социально-служебную иерархию к смерти. С отменой крепостного права уже и без того разорявшиеся помещики потеряли половину своих имений. Новые меры, направленные на модернизацию имперской экономики, вызвали нужду в специалистах, статус которых было нелегко подогнать под устаревшие градации петровской "Табели о рангах".

Ухудшение состояния сословий и чинов было серьезной проблемой, которую самодержавное государство еще более усугубило решением взять обветшавшую сословно-чиновничью иерархию под свою все более и более неуклюжую официальную опеку, как бы смягчив временной отсрочкой вынесенный им же самим смертный приговор. Освобожденные крестьяне вскоре обнаружили новые формы кабалы, в то время как свободные аристократы в быту и в общественной жизни должны были удерживать себя в непривычно узких рамках. Когда реформы стали казаться необратимыми, государство совершило вторую роковую ошибку: разбаловав умиравший класс аристократии особыми услугами и попечением, оно в то же время пренебрегло интересами всех других сословий, предоставив им самим заботиться о собственном выживании в условиях государственного притеснения и изоляции друг от друга. Земский начальник, к примеру, без всякой к тому практической необходимости стал главою окружного дворянского собрания. Такое административное устройство не было выгодным ни для дворян, ни для крестьян как сословий. Земский начальник, выдуманный центральным правительством, мог функционировать в реальной деревенской среде не иначе, как в сговоре с местным населением (вспомним пример талызинского кабака).

Кабаки и подготовка крестьянской реформы

В то время как кризис иерархии обострился, Россия, особенно крупные ее города, пережила первый настоящий взрыв общественной самодеятельности. Рамки открытого общения расширились [Кимбалл, 1992]. В это же самое время число кабаков значительно выросло, чему в немалой степени способствовала реформа системы налогов на производство алкоголя – одна из наиболее эффективных среди либеральных реформ [Прыжов, 1996, с. 178].

Количество общественных организаций и кабаков росло параллельно развитию масштабного кризиса традиционной социально-служебной иерархии. Люди в кабаке (главным образом, крестьяне и купцы) были легко отличимы от людей в кружках или в других общественных организациях (в большинстве своем – представителей аристократической и бюрократической элит). Однако и те и другие реагировали на одно и то же явление: глубокий кризис в старорежимной русской политике и экономике.

Отмена крепостного права полностью преобразила жизнь помещиков и крепостных. Дворяне наполнили общественные организации, а крестьяне устремились в новые трактиры и харчевни. Все чувствовали приближение грозы, все были взволнованы временем великих перемен. Интеллигенция переросла узкие рамки кружков и заполнила всякого рода добровольные общества по политическим и духовным интересам, по содействию просвещению и помощи бедным. В деревне крестьяне, вырвавшись из тесного мира избы, подались в более просторный мир кабака. Согласно докладу полиции, фольклорист П. Якушкин "штался по кабакам" в поисках тех мест, "где народ толкается" [Базанов, 1974, с. 280]. Полицейским чиновникам такое смешение сословий и чинов в кабаке казалось подозрительным. Доносы в департамент полиции по этому поводу участились. В 1857 г. агент петербургской полиции наблюдал, как чиновник Иванов, мастеровые и извозчики, собравшиеся в кабаке, читали и обсуждали газетную статью о грядущей реформе в деревне. Беседа за их столом сосредоточилась на опасности того, что правительство проведет освобождение, потворствуя мелкопоместному дворянству и пренебрегая интересами крестьян [Конец ... 1994, с. 185].

Правительственные функционеры боялись смешения классов, стремления представителей разных сословий обсуждать друг с другом предметы, связанные с их насущными интересами. Правительство способствовало созданию дворянских комитетов по выработке программ освобождения крестьян, но самим крестьянам такая возможность не была предоставлена. Попытки публичного обсуждения подобных привилегий дворянству при дискриминации крестьянства рассматривались правительством как подрывная деятельность и подстрекательство к мятежу.

Тем не менее в течение нескольких дней 1857 г. харчевня в Петербурге рядом с Николаевским вокзалом оказалась свидетелем горячих споров остановившихся в большом городе проездом зажиточных крестьян. Предметом споров, естественно, была приближавшаяся отмена крепостного права. По сведениям полицейских осведомителей, участники беседы "выражали сожаление, что в учрежденные по сему предмету комитеты не назначают депутатов от крестьян и думают, что положение, которое составляют эти комитеты, будет весьма неудовлетворительно для крестьян, ибо дворяне позаботятся о своих выгодах. В этом распоряжении они видят дурное предзнаменование для себя и полагают, что слухи о том, что даруемая свобода будет хуже нынешней крепости, могут оказаться справедливыми" [Конец... 1994, с. 186–187].

В тот же самый день в полицию поступил донос, что в Дементьевском кабаке крестьяне обсуждали, дает ли раскрепощение право новоучрежденному "сельскому обществу" избирать собственного старшину. Из их слов следовало, что крестьяне могут не принимать старшину, навязанного им местным дворянством или правительственными чиновниками; они должны контролировать процесс его назначения сами. Высказывались мысли о том, что "нужно послать в деревню письмо о том, чтобы живущие там крестьяне не повиновались нынешнему старосте, избранному помещиком, так как власть его над ними уже прекратилась, и они уже выбрали нового старосту, который находится тут же" [Конец... 1994, с. 186]. Рассуждения этих политически продвинутых собутыльников о возможности и опасностях, лежащих на пути запланированного раскрепощения, были, в целом, недалеки от истины. Однако подобные разговоры в кабаке казались настолько крамольными, что полицейские осведомители считали своим долгом донести о них.

Примерно в то же самое время агенты полиции представили на рассмотрение необычайно живой доклад о повсеместном обсуждении рескриптов (подробных инструкций о том, как будет проводиться реформа): "Рескрипты составляют теперь общий и самый важнейший и любопытнейший предмет разговоров и суждений не только во всех публичных собраниях, в гостях и семейных кругах высшего и среднего звания, но и между простым народом, наиболее заинтересованным сим важнейшим предметом будущего его благосостояния. В настоящее время, кажется, нет места в Петербурге, где бы документы сии не читались с живейшим участием, особенно в клубах и в трактирах, а в простых народных ресторанах и харчевнях, как замечено, даже производят сильнейшее впечатление, ибо вокруг читателей постоянно образуются кружки любо-

пытных слушателей, с жадностью внимающих каждому слову..." [Конец... 1994, с. 185–186]. Таким образом, кабаки были местом разговоров о самых важных вопросах крестьянской жизни и кипящим котлом сознательной оппозиции тем политическим мерам, которые ущемляли интересы простого народа.

Движение за трезвость

В 1859 г. крестьянство, начавшее борьбу за трезвость, стало первым сословием, массово организовавшим движение против политики правительства. Оно выросло из организованного сопротивления "пьющей публики" несправедливому повышению цены на водку. Шеф жандармов В. Долгоруков доложил царю Александру II о движении за трезвость, охватившем всю империю, категорически отказавшись признать возможность того, что оно могло выражать лишь узкие интересы провинциального пьющего населения. Он предпочел видеть в этом последствия конспирации и подрывной деятельности. Долгоруков обратил особое внимание царя на присутствие среди главных активистов этого движения представителей разных сословий, не только крестьян, но и духовенства, купечества, мещан и чиновников [ГА РФ, л. 200].

Иначе говоря, данное всероссийское движение принимало "публичный" характер, предоставляя возможность взаимодействия сословий и чинов и сосредотачивая внимание на политико-экономической роли кабака в провинциальном обществе. Это тревожило Долгорукова не менее, чем угроза государственным доходам с налогов на водку.

Саратовская губерния была главным центром движения за трезвость. В Балашове активисты движения использовали церковное здание, чтобы отметить свой зарок не пить дорогую водку. Они подрядили, так сказать, официальную церковь на службу общественному движению. Более того, были сформированы патрули, задача которых заключалась в том, чтобы стоять у дверей и не допускать никого в питейные дома. Сопротивлявшиеся задерживались, штрафовались или другим образом наказывались властью местной общины. В данном случае общественное движение взяло на себя функции правоохранительных органов, действовало в светское заведение и установило свой собственный контроль над деятельностью кабака.

Долгоруков и прочие высокопоставленные чиновники были разъярены. Российское государство не могло смириться с развитием таких многогранных взаимоотношений между народом, представителями власти и сельской экономикой. Это было не только посягательством на государственные доходы, но и на исключительную, ревниво охраняемую, нераздельную власть самодержавия. Более того, представители социально-служебной иерархии принимали участие в движении, как если бы никакой иерархии и не существовало. Циркулярное письмо Министерства внутренних дел от 22 марта 1859 г. предупреждало чиновников на местах, что самозванная бдительность движения за трезвость "не имеет силы закона" [Крестьянское... 1963, т. 4, с. 213, 533–534].

Здесь будет уместным отметить, что движение за трезвость было только отчасти заинтересовано в трезвости как таковой. Это движение затронуло широкий круг проблем, связанных с местным самоуправлением. Закрывались не все кабаки, а только те из них, где водка продавалась по повышенной цене. Протестовали против потребления не алкогольных напитков как таковых, а только дорогих. Многие доклады описывают подвыпивших активистов движения. В итоге следует подчеркнуть, что это движение ни в коем случае не было сознательно "революционным". Оно лишь отстаивало местную независимость и право самозащиты от грабительской финансовой политики государства. Однако в атмосфере этатизма, характерной для самодержавной России, движение за трезвость действительно обретало революционное значение. Оно пыталось противиться тем действиям государства, которые имели прямые и негативные последствия в деревне и которые не принимали во внимание интересы крестьян. Важно также, что сам ход событий способствовал развитию навыков, присущих гражданскому обществу.

Докладывая об огромных собраниях народа, чиновники редко описывали цели и мотивировки людей. Они не хотели давать движению вторую жизнь на страницах своих

отчетов. Но в одном из них военный начальник Минской губернии приоткрыл завесу, невольно указав на важность питейного заведения как "публичного места". Он сообщал, что когда местный земский исправник созывал крестьян на сход, они отказались явиться. Потом они собрались сами, сначала в церкви, а затем возле корчмы [Крестьянское... 1963, т. 4, с. 212, 216]. Такие сборища не всегда были обычным простым мирским сходом крестьян одной деревни. Они часто выливались в спонтанные региональные собрания нового, опасного для властей типа. Свидетельством этому служит значительное увеличение числа открытых конфликтов между деревенским старостой и региональными чиновниками, представляющими государственную власть, – исправниками, старшинами, урядниками, бурмистрами и мировыми посредниками. В эти крестьянские собрания зачастую оказывались вовлеченными и представители других общественных сословий.

Отмена крепостного права и общественная реакция

Ни одной из "великих реформ" не предшествовало всенародное или междусословное обсуждение наболевших политических и социальных проблем. Предложенное правительством создание помещичьих комитетов (то самое предложение, которое обеспокоило крестьян, чей разговор мы "подслушали" ранее в трактире) имело, как вскоре выяснилось, чисто формальный характер. Раскрепощение не стало итогом процесса равноправного диалога между государственными чиновниками и той частью народа, которую реформа непосредственно затрагивала, хотя зарождающаяся общественность в городе и в деревне была готова к такому диалогу и пыталась в него включиться. Раскрепощение и другие реформы были произведены по указу сверху, без какого-либо желания учесть нужды заинтересованных сторон и "представить" интересы публики, будь то дворяне или простолюдины. Государство предприняло энергичные меры по предотвращению смещения, сотрудничества и диалога между сословиями.

В "Московских ведомостях" за октябрь 1859 г. была помещена статья А. Забелина, который вскоре стал уполномоченным Тверского филиала самой крупной из новых добровольных организаций – Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (сокращенно Литфонд)¹. В ней Забелин критиковал традиционные формы общения населения, контролируемые и манипулируемые государством. Он привлек внимание к тому факту, что хотя Тверское дворянское собрание содержало свой клуб, в него не допускались женщины и представители других сословий, каким бы ни был их пол. Помимо дворян мужского пола в клуб допускались только чиновники. Подобные заведения были раем для обособленного, избранного цвета общества. Забелин сокрушался по поводу плачевного и систематического разобщения сословий. Он подчеркивал, что социальное разобщение было характерно не только для Твери, но являлось своего рода эпидемией, охватившей всю Россию.

В то же время Забелин описывал и положительные тенденции, возникавшие в обществе как противодействие этому разобщению. Дешевые журналы и газеты были доступны "во всех общественных местах". К примеру, трактиры и харчевни подписывались на наиболее известные органы печати. Польза от грамотности, утверждал Забелин, уже не ограничивалась потребностями церкви и веры. Актуальные темы народной жизни, обсуждавшиеся на страницах русских газет и журналов, развивали в читающей публике "гражданский" подход к печатному слову. Грамотное городское мещанство, духовенство, дворянство, а также ремесленники и крестьяне собирались в трактирах и с энтузиазмом читали захватывающие статьи на темы, затрагивающие их насущные интересы. В ежедневной газете, печатающейся общенациональным тира-

¹ Литфонд представлял интересы образованной, профессиональной элиты больших городов. Он стремился поддерживать сотрудничество между центром организации, находящимся в Петербурге, и его губернскими филиалами. Он также был заинтересован в увеличении читающей публики.

жом, Забелин написал следующее: "Обыкновенно читает какой-нибудь местный оратор и читает с толком, с расстановкой, останавливаясь на замечательных местах и толкуя их при глубоком молчании слушающей публики" [Московские... 1859].

Сначала люди вместе читали, а потом вместе толковали прочитанное под кровлей кабака. Приоткрыв дверь кабака, можно было испытывать энергию скрепляющих там общественных страстей. Это подтверждает мысль о том, что кабак нельзя рассматривать просто как темный притон пьянства и разврата. Забелин, как мы заметили, назвал этот многослойный коллектив сословий и чинов "публикой". Его проницательность подтверждают и другие источники. Журнал "Книжный вестник" предлагал краткое изложение статей в русской печати, посвященных описанию новооткрывшихся публичных библиотек, клубов и трактиров, в которых собиралась "читающая публика". В это время преобразований такие публичные места удовлетворяли насущную нужду народа в общении и становились приютом для "различных слоев московского общества" [Книжный... 1860].

Русские журналы описывали оживленные дискуссии на публичные темы как позитивное явление, в то время как полиция докладывала о них как о признаках растущей угрозы процессу преобразований. В августе 1861 г. из Тамбовской губернии пришло сообщение о том, как чистильщики в кабаке "читали и толковали" газеты и документы. Стоит обратить внимание на формулировку – "читали и толковали" – нечто, ставшее почти что стандартной фразеологией в полицейских донесах. С точки зрения полиции, публичные темы "перетолковываются крестьянами в совершенно превратном виде". Эта формулировка также стала стереотипным клише в фразеологическом лексиконе полиции тех лет [Крестьянское... 1963, т. 4, с. 150, т. 5, с. 107].

Донос этот не был бы далек от истины, если интерпретировать его следующим образом: "Селяне часто собирались в трактире вокруг избранного из их собственной среды читальщика – не священника, не помещика, не местного чиновника и не офицера во главе вооруженного отряда. Они читали и толковали государственные указы сообща, соотнося их со своими собственными осознанными интересами, которые были у них на уме".

Крестьяне узнавали новости не в церкви и не в полях, не на просторных деревенских площадях и даже не дома в кругу родственников и друзей, а в деревенских "публичных местах", среди которых кабак был самым первым. Они истолковывали всякое сообщение с учетом собственных нужд, что вполне естественно для любой большой группы читателей, связанной общими интересами. Для русских чиновников, однако, подобная деятельность приравнивалась к мятежу. Такого же мнения придерживались и многие из последующих историков. Им не удалось уловить гораздо более глубокий смысл этих публичных собраний.

Через несколько дней после официального провозглашения отмены крепостного права либеральный помещик и публицист-славянофил А. Кошелев в письме к своему единомышленнику Ю. Самарину описывал реакцию крестьян на так называемое раскрепощение. Крестьяне сразу же и практически повсеместно сообразили, что свобода будет стоить им еще двух лет работы на помещика. Это их совершенно не устраивало. Кошелев объяснил Самарину, как ему удалось об этом узнать: "Вечером один мой знакомый, переодевшись, отправился по трактирам и в 12 часов приехал ко мне с известием, что почти все манифестом недовольны и что всякий только толкует его по-своему" [Конец... 1994, с. 333].

Кошелев, будучи крупным землевладельцем, был разочарован, что крестьяне не толковали манифест "по-помещичьи". Государство, в свою очередь, "обижалось", что мужики отказались толковать его "по-государственному". Многие из тех, чьи интересы отличались от крестьянских, чувствовали себя неловко перед внушительным наплывом сообщений, что простой народ "толкует манифест по-своему". В середине XIX в. население России еще не свыклось с тем, что фракционность в оценке наболевших публичных вопросов неизбежна в любом сложном гражданском обществе.

Радикальная интеллигенция поспешила составить прокламации, рассчитанные на то, чтобы направить стихийный процесс толкования реформ в выгодное ей русло. Ма-

нифесты и прочие политические трактаты, бывшие в обращении в эпоху реформ, были признаком возникновения гражданской общественности, а не торжества утопизма [Kimball, 1990]. Независимое толкование проекта раскрепощения не нравилось российскому правительству независимо от того, какой слой населения был вовлечен в обсуждение проекта – крестьяне, помещики или интеллигенция. Оно с одинаковым презрением относилось к самовыражению всех сословных групп и было напугано усилиями "образованных классов", пытавшихся начать взаимовыгодный диалог с крестьянством. Открыто высказывавших свои мнения и отстаивавших свои интересы подвергали репрессиям уже на ранней стадии реформ. Правительство не умело реагировать на проявления общественного мнения, кроме как с позиции силы.

Примечательно, что, желая узнать подлинное мнение крестьян о реформе, богатые помещики, такие как Кошелев и его соратники, решили обратиться к истокам и отправились в кабак. Однако, хотя кабак со времен Екатерины II и считался внесословным учреждением, они сочли уместным облачиться в одежду, свойственную простолюдинам, соблюдая традиционную социально-сословную иерархию. Оказавшись в средоточии жарких споров, присущих, скорее, социально раздробленному обществу, нежели мирному царству, Кошелев с друзьями поняли: при существующих традициях социально-служебной иерархии, а также при наличии преследующей собственные цели официальной цензуры преодолеть разногласия между фракциями путем взаимообязывающего, взаимозаинтересованного столкновения реформы невозможно. Это, пожалуй, было самой важной и исторически трагичной чертой в жизни Российской империи.

В 1862 г. министр внутренних дел П. Валуев применил новую меру вдобавок к стандартным приемам пресечения вольнодумства силой. Он начал выпускать официальные газеты, наполненные санкционированной правительством информацией. В них Валуев контратаковал спонтанное "чтение и толкование" указов в публичных местах, облюбованных молодым гражданским обществом. Иначе говоря, распространяя свои публикации в кабаках за государственный счет, он предлагал официальное толкование реформы [Герасимова, 1974, с. 90]. Валуев знал, где находится средоточие общественной жизни, – в кабаке. Он прибрал к рукам поместное дворянство, подавил спонтанные добровольческие общества, загнал едва народившееся гражданское общество обратно в подпольные кружки и дал отфильтрованную информацию кабацким ораторам и чтецам.

* * *

Очень часто упускается из виду, что гражданская общественность имеет две стороны: утонченную (или интеллектуальную) и каждодневную (или будничную). В настоящее время эта последняя нуждается в особом внимании. Многое известно об интеллигенции и ее кружках. Необходимо полнее рассказать о селянах в их питейных заведениях.

Мужики собирались в кабаке пить водку, но в это же время спорили о том, как обрести и охранить лучшую жизнь, как избежать посягательства распадающейся социально-служебной иерархии и не угодить в клетку новой иерархии, рассчитанной на удовлетворении чуждых им интересов. И в кабаке, и в кружок "убегали" из мира отмирающих традиционных социально-служебных категорий.

В XVIII в. Екатерина II узаконила кабак как внесословное учреждение. С этого времени он предоставлял возможность выйти за рамки традиционной социально-сословной иерархии. Устаревшая иерархия растаяла и растеклась по руслам естественных сточных систем, одной из которых был интеллигентский кружок, а другой – деревенский кабак. Тем не менее кабак отличался от кружка в одном очень важном аспекте. В то время как кружок представлял собой изолированный приют для гонимых интеллигентов, двери кабака были открыты широкому кругу простолюдинов, чиновников, священников и деловых людей. После отмены крепостного права кабак двигался в направлении упорядочивания отношений с самыми важными учреждениями деревни: мирским сходом, церковью, представителями царской власти. Если кружок имел тен-

денцию все больше отстраняться от государства и рынка, то кабаки стремились к сближению с ними под эгидой соборной взаимовыгодной зависимости. В этой роли кабаки были более удачной моделью гражданского общества, чем кружок. Кружок возвращал В. Ленина и его этактистскую политическую партию, в то время как кабаки пестовали все более сознательное и демократическое сельское общество.

Кабаки были местом как фривольного, так и серьезного общения: здесь отмечались календарные ритуальные праздники и заключались сделки, укреплялось народное самосознание и решались проблемы будничной жизни, крестьяне встречались с местными чиновниками и рассуждали о вечных вопросах. В конце концов, здесь можно было просто повеселиться. И конечно же, у кабака, как и у всего прочего, была своя темная сторона. Ревнители благочестия неустанно осведомляли общество о пьянстве и дебошах в кабаках, и мало кто дерзал воспеть ему хвалу. Все это было, а потому картину "Кабаки" необходимо повесить ровно и рассматривать ее, не упустив ни одной из его социальных функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базанов В.Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.
- Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х гг. М., 1974.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109, оп. 85, ед. хр. 24.
- Кимбалл А.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ 1859–1863 // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.
- Книжный вестник. 1860. № 22.
- Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.
- Крестьянское движение в России. Сборник документов. Т. 4, 5. М., 1963.
- Московские ведомости. 1859. № 247.
- Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. Т. 14. СПб., 1859.
- Попов Т.* Российская народно-бытовая медицина по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993.
- Прыжов И.* Наша общественная жизнь // 26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории. СПб.–М., 1996.
- Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7, оп. 1.
- Фирсов В.М., Киселева И.Т.* Быт великорусских крестьян – землепашцев: описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
- Glickman R.* Unusual Circumstances in the Peasant Village // Russian History. 1996. Vol. 26.
- Frierson C.* Crime and Punishment in Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the XIX-th Century // Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 1.
- Kimball A.* Alexander Herzen and the Native Village of the Russian Revolution // Religious and Secular Forces in the Late Tsarist Russia. Seattle, 1992.
- Kimball A.* Russia Peasant Obshchina in the Political Culture of the Era of Great Reforms: A Contribution to Begriffsgeschichte // Russian History. 1990. Vol. 17. № 3.

© А. Кимбалл, 2004

© Перевод с англ. А. Каширин, 2004